

ЭО, 2006 г., № 3

© З.П. Соколова

ВОСПОМИНАНИЯ О В.Н. ЧЕРНЕЦОВЕ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ, 17 МАРТА 1905 г. – 29 МАРТА 1970 г.)

20 лет назад во время VI Международного конгресса финно-угроведов в г. Сыктывкаре томский этнограф Н.В. Лукина брала интервью у его участников о значении материалов из наследия известных угроведов, в частности, В.Н. Чернецова, в том числе и у меня. Тогда я сказала следующее: "Валерий Николаевич Чернецов был исключительным человеком, не только большим специалистом в этнографии, но и очень эрудированным в различных областях знаний... обладая знаниями смежных наук – лингвистики, археологии, этнографии и фольклористики, умел очень широко и глубоко подходить к решению различных проблем. Эта глубина дала ему возможность сделать очень интересные выводы, которые, я думаю, предоставят возможность многим поколениям исследователей развивать эти идеи..." (Слово о Чернецове 2005: 40–41). Сегодня я снова могу повторить эти слова.

О жизни и деятельности В.Н. Чернецова написано немало (*Васильев и др.* 1970: 194–195; *Смирнов* 1971; 1973; *Омельчук* 1982: 129–186; *Лукина, Рындина* 1985; *Косарев* 1970, 1995; Слово о Чернецове 2005: 3–53). Я хотела бы вспомнить, как я познакомилась с ним и какое влияние он оказал на меня как на человека и ученого.

В свое время на Ю.Б. Симченко, на выбор им тематики исследований повлияли идеи и материалы В.Н. Чернецова: вспомним книгу Ю.Б. Симченко о тамгах (1965), а также основную работу его жизни – об охотниках на дикого оленя (1976), где речь идет о циркулярной культуре, вопросами формирования которой занимался В.Н. Чернецов. Я тоже испытала огромное влияние личности и идей Валерия Николаевича. Он был моим Учителем.

Я поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР в 1953 г., окончив Пермский государственный университет по специальности историк-археолог. Моим руководителем в университете был выдающийся археолог О.Н. Бадер, который читал нам также и лекции по этнографии. Под его руководством я копала жилища эпохи бронзы в Прикамье, писала первые научные статьи и, естественно, искала параллели в этнографии для реконструкции жилищ. В ту пору я еще не знала хорошо сибирскую этнографию, все параллели в те времена было принято брать из популярных работ Л. Моргана и Ф. Энгельса, касающихся американских индейцев. Поскольку Л. Морган писал о "длинных домах" индейцев, в которых жили представители одного рода, у меня появилась мысль сопоставить формы и размеры археологических жилищ в связи с социальной организацией их насельников. Этому был посвящен мой реферат при поступлении в аспирантуру.

В Институте этнографии моим научным руководителем стал М.О. Косвен, крупнейший ученый-первобытник. Однако он был сугубо кабинетным ученым-теоретиком, а я хотела разрабатывать свою тему на основе конкретных фактических материалов, в том числе полевых. В течение 8–9 месяцев мы с Марком Осиповичем бились над проблемой

Зоя Петровна Соколова – доктор исторических наук, профессор, советник Института этнологии и антропологии РАН.

диссертационной темы, но так и не пришли к положительному решению. Советоваться я пошла к Ученому секретарю Института Ирине Александровне Золотаревской, умнейшей и обаятельнейшей женщине. Она выслушала меня очень внимательно и посоветовала пойти к выдающемуся антропологу и крупнейшему ученому Г.Ф. Дебецу. С ним я была знакома еще по Перми: возвращаясь с Чукотки, он заехал к Бадерам и рассказывал нам, студентам, удивительные вещи о Чукотке и чукчах, которые поразили и его самого. Выслушав меня, Георгий Францевич порекомендовал мне обратиться к В.Н. Чернецову, работавшему тогда в Институте истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР (ныне – Институт археологии РАН). Так в 1954 г. я познакомилась с Валерием Николаевичем и оказалась у него дома в Померанцевом переулке. Он стал моим научным руководителем.

Валерий Николаевич покорила меня своей простотой и уважительностью в обращении, хотя тогда я была лишь вчерашней студенткой и начинающим этнографом, а также своей эрудицией, глубокими знаниями этнографии хантов и манси, осведомленностью в области самых разных наук, литературы, искусства. Его уроки – уважительное отношение к ученым-предшественникам и к народам, которые мы изучаем, умение поставить себя на их место, чтобы правильно оценить значение их культуры, сущность обычаев.

Все консультации обычно проходили у него дома, который поразила меня своим гостеприимством (за это я благодарна и его жене Ванде Иосифовне Мошинской), необычностью интерьера (огромная комната с высооченным потолком старинного особняка, превращенного в коммуналку, была разгорожена на отдельные помещения; впоследствии появился даже второй этаж), веселостью и задиристостью фокстерьеров, которых, как правило, было не меньше двух (а однажды я застала Валерия Николаевича ползающим по полу и собирающим многочисленных щенков). Надо сказать, что любовь к фокстерьерам, которых я раньше не знала, появилась и у меня, хотя я выросла в семье охотника-любителя рядом с сеттером (мы с мужем более 10 лет держали фокстерьеров).

Валерий Николаевич сам готовил какое-либо блюдо (чаще запекал рыбу под белым соусом); за столом, во время чаепития, шли интересные разговоры и его рассказы о хантах и манси, их обычаях, об ученых, изучавших их; рассказывал он и о своих поездках к манси и хантам.

Довольно быстро, к весне 1954 г., мы пришли к теме моей диссертации – "Обско-угорское жилище и его история". Она была связана с моими интересами и привлекала Валерия Николаевича. Так на много лет вперед определилось одно из направлений моей научной работы. Жилище – это моя любимая тема (Соколова 1957: 88–105; 1963: 182–233).

Летом 1954 г. после экспедиции в Латвию с Л.Н. Терентьевой (моя аспирантская практика) по совету Валерия Николаевича я поехала в Ленинград и работала в архивах Музея антропологии и этнографии и Государственного музея этнографии СССР над фотоколлекциями ученых, побывавших в Сибири у хантов и манси в первой половине XX в. (С.И. Руденко, И.Н. Шухов, Б.Н. Городков, В.С. Адрианов и др.), в том числе и самого В.Н. Чернецова (его поездка в Остяко-Вогульский, теперь Ханты-Мансийский, округ, 1937 г.). Это оказался весьма ценный источник, который дал мне первые визуальные представления о типах построек хантов и манси. Я высоко оценила этот источник и в своих дальнейших экспедиционных поездках много снимала (за 13 экспедиционных сезонов 1956–1989 гг. я сделала свыше 6 тыс. черно-белых фотографий и слайдов, дважды ездила с художниками, которые выполнили уникальные рисунки предметов культуры обских угров). Думаю, для будущих этнографов это собрание тоже станет хорошим источником, тем более что многие черты традиционной культуры теперь уже утрачены.

В 1955 г. я работала в составе археологической экспедиции В.Н. Чернецова на Андреевском оз. под Тюменью. В Тюмени мы останавливались в областном краеведческом

Владимир Николаевич Чернецов. 1960-е годы

музее, где осмотрели экспозицию. В Валерии Николаевиче постоянно проявлялись его качества исследователя, применявшего методы комплексного изучения культуры обских угров. Это я почувствовала даже во время экскурсии по музею.

Наш отряд был небольшим, 6–7 человек. Мы жили в палатках, раскапывали одно из древних поселений. Вечерами сидели у костра, Валерий Николаевич рассказывал о своих раскопках, поездках в Сибирь. И в полевых условиях поражала его демократичность. С ним было очень легко и просто. Мы посетили также некоторые татарские селения в окрестностях Андреевского оз., интересуясь этнографией поселения и жилища местных татар.

В 1956 г. по архивным материалам и литературным данным я уже написала диссертацию. Образцом описания жилища для меня послужила статья В.Н. Чернецова "Чум" (1936). Она была короткой, но содержала в себе подробное описание конструкции чума, сопровождаемое фотографиями и чертежами, выполненными им самим (он хорошо рисовал и чертил), способов установки чума и даже количества оленьих шкур, необходимых для покрышек, терминологию и выводы о типе чума, истории его развития. В 1957 г. в журнале "Советская этнография" я опубликовала статью, освещающую основные положения диссертации, которую я подготовила под руководством В.Н. Чернецова. Она была иллюстрирована чертежами, в том числе сделанными Валерием Николаевичем в 1930-е годы в полевых условиях. Они никогда им не публиковались, но он любезно и щедро предоставил их мне. Опираюсь я и на его архивные материалы, касающиеся раскопок жилища в Западной Сибири. При написании статьи я усвоила еще один урок своего Учителя – обращаться к параллелям у соседних народов, не замыкаясь в рамках одной культуры. Это помогло мне в дальнейшем написать серию статей в английскую энциклопедию по архитектуре и книгу о типологии жилища народов Сибири (Соколова 1998; Encyclopedia... 1998: 837–854).

Консультацию Валерий Николаевич оказал мне при написании статьи о своеобразных дощатых постройках хантов и манси, в которых доски стен скреплялись снаружи и изнутри вертикальными жердями, в свою очередь соединенными друг с другом специальными зажимами (Соколова 1959: 60–67). Оказалось, что эти уникальные постройки ханты нижнеобского бассейна делали из досок барж, на которых русские купцы завозили на Север продукты и товары.

Да, диссертацию я написала, но еще ни разу не видела ни одной обско-угорской постройки. Поэтому летом 1956 г., еще до окончания срока аспирантуры, я получила счастлившую возможность поехать к хантам на р. Казым в Березовский р-н Ханты-Мансийского национального (ныне – автономного) округа в составе экспедиции окружного краеведческого музея. Вот там-то я впервые и увидела хантыйские поселения и дома, чумы, другие сезонные жилища из жердей и коры, в которых жили рыбаки, охотники и оленеводы.

В конце 1956 г. меня приняли на работу в сектор по изучению социалистического строительства у малых народностей Севера (теперь – отдел народов Севера и Сибири) Института этнографии АН СССР. До 1963 г. я публиковала свои материалы по постройкам хантов и манси – как диссертационные, так и собранные во время экспедиций 1956–1958 и 1962 гг. на реках Казым, Вах, Обь, Сыня. В 1959 г. у меня родился сын. В это время мне приходилось много читать этнографической литературы, так как в университете я занималась археологией, а также искать новые темы для исследований.

В начале 1960-х годов под влиянием статей В.Н. Чернецова о роде и фратрии (*Чернецов* 1939: 20–42; 1947б: 159–183) я заинтересовалась проблемой социального устройства обско-угорского общества в прошлом. Эти статьи Валерия Николаевича я и сейчас считаю классическими для этнографии обских угров, хрестоматийными, настолько четко, аргументированно и ярко они иллюстрируют основные положения теории Морган–Энгельса о роде и фратрии. Возможно, сейчас они кажутся несколько устаревшими, поскольку до некоторой степени подчинены определенной схеме. Тем не менее приведенные в них материалы по этнографии обских угров уникальны и дают представление о большой архаичности их общественных отношений, особенностях их мировоззрения и культуры вплоть до начала XX в. Думаю, и сейчас без них не обойдется ни один этнограф, какой бы угорской проблемой он ни занимался.

С середины 1960-х годов в секторе под руководством его заведующего Б.О. Долгих началась подготовка коллективной монографии "Общественный строй у народов Северной Сибири" (М., 1970). В одной из бесед Борис Осипович рассказал мне о своей работе по брачным связям кетов, из анализа которых он установил фамильный состав двух их фратрий (данная работа была опубликована лишь в 1982 г.). Это меня очень заинтересовало. Тем более что и в статьях о роде и фратрии В.Н. Чернецова говорилось об особой роли экзогамии и эндогамии в их формировании. Он писал: "В эпоху расцвета матриархального рода единственной формой экзогамии в обско-угорском обществе было запрещение браков внутри фратрии. О недопустимости брака внутри рода применительно к этой эпохе говорить не приходится. Род является лишь частью более крупного объединения кровных родственников фратрии. Но по мере разложения матриархата и шедшего параллельно с ним процесса дробления родов ослабевала и роль фратриальной экзогамии" (*Чернецов* 1947б: 159).

Вместе с тем в глаза бросался тот факт, что у хантов и манси в XVIII–XIX вв. отсутствовали такие родовые названия, какие были, например, у ненцев, эвенков и других народов Сибири. Вместо этого у них повсеместно известны фамилии, по происхождению связанные с их именами, но образованные по русскому образцу с окончанием на *-ов*, *-ин*. В связи с этим с 1963 г. я стала собирать архивные материалы о браках хантов и манси из церковных метрических книг (хранятся в Тобольском государственном архиве, фонд Духовной консистории) и заниматься проблемами социальной организации обских угров. Я надеялась восстановить хотя бы по данным XVIII в. их родовые деления. Однако, проанализировав свыше 17 тыс. браков, заключенных хантами и манси в конце XVIII–XIX вв., я их не обнаружила. Оказалось, что, как и писал В.Н. Чернецов, во-первых, господствовала дуальная (фратриальная) экзогамия (79% браков заключались по ее правилам), во-вторых, наблюдалось постепенное ослабление дуальной экзогамии – с 82% в конце XVIII в. до 73% в конце XIX в. (*Соколова* 1983: 100).

Таким образом, к концу 1960-х годов, незадолго до смерти Валерия Николаевича, я пришла к выводу о том, что у хантов и манси уже в XVIII столетии рода как социальной категории со всеми его признаками (в том числе экзогамией), описанными В.Н. Чернецовым, не было. С трепетом душевным, опасаясь его реакции, я поведала ему об этом однажды в институте, прохаживаясь с ним по длинному коридору нашего старого здания на ул. Дмитрия Ульянова, 19. К моему облегчению и изумлению он со мной согласился. В работах 1970 и 1971 гг., опубликованных уже после его смерти, он писал не о родах, а о "генеалогических тотемных", "территориально-тотемных" или "генеалогических" группах обских угров (Чернецов 1970: 18; 1971: 81).

В.Н. Чернецов в своих работах постоянно различал хантов и манси разных территориальных групп, исходя из существующих различий в диалектах, говорах (ему принадлежит одна из классификаций мансийского языка – Чернецов 1937а), а также в культуре. Это связано с очень широким расселением обских угров в Западной Сибири и изолированностью их групп в границах речных бассейнов. О большой роли эндогамии в формировании племенных, территориальных и этнографических групп обских угров я начала догадываться еще до 1970 г., анализируя их браки. Первые мои публикации на эту тему вышли в 1970 и 1973 гг. (Соколова 1970а: 95–96; 1970б: 122–126), а завершились монографией 1990 г. (Соколова 1990).

Под влиянием тех же статей В.Н. Чернецова о роде и фратрии я занялась антропониимией хантов и манси. Тем более что тогда в институте под руководством В.А. Никонова готовилась коллективная работа по этой проблематике (Личные имена... 1970). В связи с этим очень интересным оказались материалы Валерия Николаевича о фондах родовых имен (Чернецов 1947б: 170–171). По его мнению, они были тесно связаны с представлениями хантов и манси о душе и обычае, когда имя ребенку давали во время специального обряда-гадания, определяя, чья душа (какого предка) вселилась в новорожденного. Представления обских угров о душе и связанные с ними обычаи описаны в замечательной, необыкновенно интересной и насыщенной уникальными сведениями статье В.Н. Чернецова, опубликованной в "Трудах Института этнографии" (Он же 1959). Точное соответствие этому обычаю я обнаружила после анализа ревизских переписей хантов Обдорской вол. Березовского у. Тобольской губ. 1782 и 1795 гг., где сохранились личные нехристианские имена хантов Нижней Оби. Оказалось, что эти имена дети получали через одно-два поколения от своих дедов (чаще всего), отцов и прадедов (Соколова 1975а: 42–52). Кроме того, выявилась неповторяемость имен: до 80% населения имели имена, ни у кого более не встречающиеся ("фонды имен" по Чернецову – в пределах определенных групп – Чернецов 1947б), так как считалось, что если человек будет иметь имя, одинаковое с именем другого человека, он умрет (имя ассоциировалось с душой). Мои полевые материалы, собранные в начале 1970-х годов у хантов Нижнего Приобья (реки Куноват, Сыня), подтвердили существование у них подобных представлений о душе и обычаях имянаречения, описанных Валерием Николаевичем: имя новорожденному у них давали после обряда, определяя, чья душа вселилась в него. Более того, ребенка называли именем предка, на него переносили терминологию родства, относящуюся к предку, а не к самому ребенку (Соколова 1976: 81–82, 110–111).

С этой проблемой и публикациями В.Н. Чернецова по религии обских угров (Чернецов 1953: 222–223; 1959: 114–156; 1964: 35; 1970: 80–81, 85) были тесно связаны и мои исследования в области погребально-поминального цикла обрядов и обычаев у хантов и манси, особенно обычаев изготовления так называемого вместилища души (*имтарма*). Мои полевые материалы, представленные в публикациях 1971–1995 гг., в том числе об *ура* (вместилищах душ умерших неестественной смертью – утопленников и др.), очень убедительно подтвердили данные Валерия Николаевича об обычаях изготовления и хранения хантами и манси "кукол" умерших, тесно связанных как с их представлениями о душе, так и с их погребально-поминальными обрядами (Соколова 1974б: 164–175).

Большое внимание в своих исследованиях В.Н. Чернецов уделял вопросам мировоззрения, культов и обрядов обских угров. В них содержатся крайне интересные материалы о культе зооморфных предков генеалогических групп и фратрий (в том числе лягушки), культе солнца, орла и небесного всадника, священных деревьев, жертвенных местах и святилищах, почитании духа-кузнеца Чохрын-ойки, магии, оберегах и др. (*Чернецов* 1953: 70, 138, 140, 235; 1957: 140, 208; 1964: 21, 24; 1970: 41, 80–85, 89–90, 222–223, 230–235. См. также: *Соколова* 2005¹). Мне повезло найти подтверждения этому у разных групп хантов и манси (*Соколова* 1971: 211–238; 1974а: 164–175; 1975б: 143–154).

Особенно интересны материалы и идеи В.Н. Чернецова относительно культа медведя и медвежьего праздника у обских угров. Он выявил главные идеи медвежьих обрядов и выделил в их цикле два типа – периодические (календарные, приуроченные к зимнему солнцестоянию и весеннему равноденствию) и спорадические (по случаю удачной охоты на медведя), что является принципиальным в характеристике культа медведя у хантов и манси, в отличие от других народов Евразии и Северной Америки. Его работы на эту тему (*Чернецов* 1965: 102–111; 2001; *Tschernjetzow* 1974) – образец этнографического исследования: они насыщены уникальными фактическими данными, содержат подробное описание обрядов, раскрывают их сущность, тесную связь с мировоззрением, отраженным в фольклоре (в том числе и в так называемом медвежьем). Вообще высокая квалификация В.Н. Чернецова в области четырех смежных наук (этнография, лингвистика, археология и фольклористика) делают его исследования весьма убедительными и яркими. Это особенно проявляется в работах о медвежьем празднике. Данные впечатляющие публикации вдохновили и меня к тому, чтобы обратиться к данной тематике (*Соколова* 1972а: 63–85; 1993: 132–139; 2002а: 41–62).

Исследования религиозных воззрений хантов и манси дополняются изучением их погребально-поминальных обрядов. В.Н. Чернецов подробно описал обряды этого цикла (*Чернецов* 1947б; 1959). Им отмечено наличие родовых кладбищ, запрет доступа к ним посторонних, похороны в кругу сородичей (ряды могил), фиктивные похороны в случае смерти человека вдали от дома, изменения в похоронном обряде со временем (глубина могилы, форма гроба и др.), воззрения о смерти и загробном мире, связь воззрений о душе с сакральным счетом (4 и 5 – по числу душ у женщины и мужчины) в обрядах траура и т. д. Я много занималась этой тематикой, и всегда большую помощь мне оказывали данные работы Валерия Николаевича. Например, хотя в середине XX в. я уже не застала так называемые родовые кладбища, принадлежащие членам одной генеалогической группы (они были поселковыми, где жили представители разных генеалогических групп и даже фратрий), тем не менее мной были зафиксированы ряды могил близких сородичей со своим костром для проведения поминок. Отмечены мной и случаи устройства кенотафа – пустой могилы человека, похороненного вдали от родины (*Соколова* 1975в: 165–174; Семейная обрядность... 1980: 125–143) и т. д.

В.Н. Чернецов – один из авторов раздела "Ханты и манси" в томе "Народы Сибири" (1956). Как и весь том, указанный раздел – образец краткого монографического описания народа, до сих пор являющийся методическим и справочным пособием для сибиреведов. Вместе с "Историко-этнографическим атласом Сибири" (М.; Л., 1961) для меня он всегда был исходным источником для любой работы, в том числе монографического характера, что сказало и на моих публикациях (*Соколова* 1972б: 15–66; Народы... 2005).

Разумеется, огромное значение для угроведа (и, разумеется, для меня) имели работы В.Н. Чернецова по этногенезу и этнической истории хантов и манси (*Чернецов* 1940; 1953). Мои публикации на эту тему (*Этногенез...* 1980: 89–117; Этническая история... 1982: 8–47) в значительной степени опираются на его выводы и идеи. Особенно ценны, на мой взгляд, его материалы (археологические, этнографические, лингвистические и фольклорные), касающиеся роли северного, аборигенного, и южного, пришлого, компонентов в этногенезе обских угров, значение иранизмов (*Чернецов* 1937б: 349–365;

1947а: 114–134) в их языке, которые на много лет определили направление исследований целого ряда археологов, этнографов и других исследователей, в том числе и моих (Соколова 2000а: 30–65; 2000б: 49–69; 2001б: 36–53).

Наконец, особо следует оговорить чрезвычайную ценность полевых дневников Валерия Николаевича, изданных в 1987 г. томскими коллегами (Источники 1987). В них рассыпаны крайне интересные сведения по самым разным темам – от медвежьего праздника до календаря и брачных норм, что делает их незаменимым источником для ученых и в то же время – образцом ведения полевого дневника. Мне это также помогает при публикации своих полевых дневников (Соколова 2001а: 165–174; 2002б: 271–289 и др.).

В целом надо сказать, что не только я, но и ряд других этнографов-угроведов испытал на себе большое влияние исследований Валерия Николаевича Чернецова и в значительной степени связал свою работу с его идеями. Обратимся снова к моему интервью 1985 г.: "...его наследие неисчерпаемо и еще будет служить нам, другим поколениям этнографов и специалистам иных профилей в изучении этнографии хантов и манси" (Слово о Чернецове 2005: 41).

Примечание

¹ К сожалению, редколлегия сборника сократила название статьи – в ней речь шла о публикациях В.Н. Чернецова только по археологии.

Литература

- Васильев и др. 1970 – Васильев В.И., Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Валерий Николаевич Чернецов // Сов. этнография (далее – СЭ). 1970. № 4. С. 194–197.
- Долгих 1982 – Долгих Б.О. К истории родоплеменного состава кетов // Кетский сб. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л., 1982. С. 84–132.
- ИЭАС 1961 – Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961.
- Источники... 1987 – Источники по этнографии Западной Сибири. Томск, 1987.
- Косарев 1970 – Косарев М.Ф. Валерий Николаевич Чернецов // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
- Косарев 1995 – Косарев М.Ф. О Валерии Николаевиче Чернецове – ученом и человеке // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995.
- Личные имена... 1970 – Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
- Лукина, Рындина 1985 – Лукина Н.В., Рындина О.М. Этнографический архив В.Н. Чернецова (К 80-летию со дня рождения ученого) // СЭ. 1985. № 5.
- Народы... 2005 – Народы Западной Сибири. (Сер. "Народы и культуры"). 2005.
- Народы Сибири 1956 – Народы Сибири (Сер. "Народы мира"). М.; Л., 1956. С. 543–569.
- Общественный строй... 1970 – Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970.
- Омельчук 1982 – Омельчук А. Рыцари Севера. Свердловск, 1982.
- Семейная обрядность... 1980 – Семейная обрядность народов Сибири. М., 1980.
- Симченко 1965 – Симченко Ю.Б. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.
- Симченко 1976 – Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленя Северной Евразии. М., 1976.
- Слово о Чернецове 2005 – Слово о Чернецове // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Матер. XIII Западно-Сибирской археолого-этнограф. конф. Томск, 2005. С. 40–41.
- Смирнов 1971 – Смирнов А.П. В.Н. Чернецов // Сов. археология. 1971. № 1.
- Смирнов 1973 – Смирнов А.П. Предисловие // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 1–4.
- Соколова 1957 – Соколова З.П. К истории жилища обских угров // СЭ. 1957. № 2. С. 88–105.
- Соколова 1959 – Соколова З.П. Обско-угорские дощатые постройки // КСИЭ. Вып. 31. М., 1959. С. 60–67.
- Соколова 1963 – Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. Т. 84. "Нов. сер.". М., 1963. С. 182–233.

- Соколова 1970а – Соколова З.П. Выступление на дискуссии по статье Ю.В. Бромлея "Этнос и эндогамия" // СЭ. 1970. № 3. С. 95–96.
- Соколова 1970б – Соколова З.П. Социальная организация обских угров и селькупов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 122–126.
- Соколова 1971 – Соколова З.П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Сб. МАЭ. Вып. 27. М., 1971. С. 211–238.
- Соколова 1972а – Соколова З.П. Культ животных в религиях. М., 1972.
- Соколова 1972б – Соколова З.П. Ханты рр. Сыня и Куноват // Материалы по этнографии Сибири. Томск, 1972. С. 15–66.
- Соколова 1974а – Соколова З.П. Женские и мужские священные места у хантов р. Сыня // Итоги полевых работ Института этнографии в 1970 г. М., 1974. С. 164–175.
- Соколова 1974б – Соколова З.П. Об одном традиционном обычае погребального цикла сынских хантов // Новое в этнографических и антропологических исследованиях. Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г. М., 1974. С. 164–175.
- Соколова 1975а – Соколова З.П. Наследственные, или предковые, имена обских угров и связанные с ними обычаи // СЭ. 1975. № 5. С. 42–52.
- Соколова 1975б – Соколова З.П. Находки в Шишингах (культ лягушки и угорская проблема) // СЭ. 1975. № 6.
- Соколова 1975в – Соколова З.П. Новые данные о погребальном обряде северных хантов // Полевые исследования Института этнографии. 1974. М., 1975. С. 165–174.
- Соколова 1976 – Соколова З.П. Страна Югория. М., 1976.
- Соколова 1983 – Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII–XIX вв. Проблемы фратрии и рода. М., 1983.
- Соколова 1990 – Соколова З.П. Эндогамный ареал и этническая группа. М., 1990.
- Соколова 1993 – Соколова З.П. На медвежьем празднике у ляпинских манси // Полевые исследования. "Нов. сер.". Т. 1. Вып. 1. М., 1993. С. 132–139.
- Соколова 1998 – Соколова З.П. Жилище народов Сибири (Опыт типологии). М., 1998.
- Соколова 2000а – Соколова З.П. Использование металла в культовой практике хантов и манси // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2000. № 6. С. 30–45.
- Соколова 2000б – Соколова З.П. Платок в культуре хантов и манси // Этнография народов Западной Сибири. СЭС. Вып. 10. М., 2000. С. 49–69.
- Соколова 2001а – Соколова З.П. Мои путешествия к хантам // Культурологические исследования в Сибири. Омск, 2001. № 1. С. 165–174.
- Соколова 2001б – Соколова З.П. Обско-угорский феномен. Место культуры хантов и манси в культуре народов Сибири // Исторический ежегодник. Спец. вып. Омск, 2001. С. 36–53.
- Соколова 2002а – Соколова З.П. Культ медведя и медвежий праздник в мировоззрении и культуре народов Сибири // ЭО. 2002. № 1. С. 41–62.
- Соколова 2002б – Соколова З.П. Поездка в Томскую область в 1958 г. // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М., 2002. С. 271–289 и др.
- Соколова 2005 – Соколова З.П. Этнография обских угров в трудах В.Н. Чернецова // Проблемы историко-культурного развития... С. 41–43.
- Чернецов 1936 – Чернецов В.Н. Чум // СЭ. 1936. № 6. С. 85–93.
- Чернецов 1937а – Чернецов В.Н. Мансийский язык. Очерк фонетики, морфологии и синтаксиса // Языки и письменность народов Севера. Т. 1. Л., 1937. С. 165.
- Чернецов 1937б – Чернецов В.Н. Термины средств передвижения у вогулов // Сб. памяти В.Г. Богораза. Л., 1937. С. 349–365.
- Чернецов 1939 – Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-югорского общества // СЭ. 1939. № 2. С. 20–42.
- Чернецов 1940 – Чернецов В.Н. Очерк этногенеза обских угров // КСИИМК. Вып. IX. 1940.
- Чернецов 1947а – Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении серебра в Приобье // ТИЭ. Т. 1. М., 1947. С. 114–134.
- Чернецов 1947б – Чернецов В.Н. К истории родового строя у обских угров // СЭ. 1947. № 6–7. С. 159–183.
- Чернецов 1953 – Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 35. М., 1953.
- Чернецов 1957 – Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. Вып. 58. М., 1957.

- Чернецов 1959 – Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. Т. 51. ТИЭ. "Нов. сер.". М., 1959. С. 114–156.
- Чернецов 1964 – Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4-12. М., 1964.
- Чернецов 1965 – Чернецов В.Н. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars 1. Helsinki, 1965. S. 102–111.
- Чернецов 1970 – Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала. Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1970.
- Чернецов 1971 – Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // САИ. Вып. В4-12 (2). М., 1971.
- Чернецов 2001 – Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. Томск, 2001 (перевод с немецкого Н.В. Лукиной).
- Этническая история... 1982 – Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 8–47.
- Этногенез 1980 – Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 89–117.
- Encyclopedia... 1998 – Encyclopedia of Vernacular Architektur of the World. Vol. 1. Cambridge, 1998. P. 837–854.
- Tschernjetzow 1974 – Tschernjetzow V.N. Barenfest bei den Ob-Ugriern // Acta Ethnographica. T. 23 (2–4). Budapest, 1974. S. 285–319.

Список сокращений

- КСИИМК – Кр. сообщ. Ин-та истории материальной культуры.
 КСИЭ – Кр. сообщ. Ин-та этнографии.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
 САИ – Свод археологических источников.
 СЭС – Сибирский этнографический сборник.
 ТИЭ – Труды Ин-та этнографии АН СССР.

Z.P. Sokolova. Remembering V.N. Chernetsov (Toward the Hundredth Anniversary, March 17, 1905 – March 29, 1970)

Ethnographer Z.P. Sokolova, senior scholar at Russian Academy of Sciences' Institute of Ethnology and Anthropology, writes about her teacher V.N. Chernetsov, a prominent Russian scholar of ethnography, archaeology, linguistics, and folklore. The essay throws light on Chernetsov's interesting career, life, and works.